

ВЬОНЕ де МАРЕНГОНЕ

офицер французской армии

Несмотря на то, что у нас был излишек всего необходимого, я, однако, не переменял своего образа жизни. Я запасся 20-ю печеными хлебами, тремя головами сахара, 25-ю фунтами кофе, несколькими фунтами чая, 20-ю бутылками вина и 30-ю бутылками рома и водки. Все эти вещи были уложены в мои фургоны с большой предосторожностью, чтобы они не разбились бы и не замерзли. Вот все, что я вывозил из Москвы. Я купил драпу и мех у французского купца, который взял с меня втридорога, и велел сшить себе меховое серое пальто. Кроме того, я купил у одного офицера енотовую шубу — это очень теплый мех. Я был готов каждую минуту к выступлению. Я старался, насколько возможно, просмотреть все случайности, готовые обрушиться на нас.

А между тем зима быстро приближалась. Ночи становились все холоднее, небо было пасмурно, и все предвещало приближение страшной в этом ледяном климате зимы.

9 октября отдан был приказ всем войскам запастись провиантом на шесть месяцев. Мы запаслись зерном, картофелем, который мы накопили в окрестных полях, и вообще всем необходимым. Благодаря этому приказу мы окончательно опустошили несчастных жителей, дома которых еще избежали опустошения.

Пока шли эти приготовления, уничтожили дома, примыкавшие к Кремлю, вкладывали секретным образом мины в ограды, и во всех этих мерах было удивительное противоречие, бросающееся каждому опытному человеку в глаза.

Масса публичных женщин оставалась в Москве, многие честные женщины, умирающие с голоду, принуждены были тоже служить развлечением для всех. Во всех уцелевших домах можно было встретить этих падших женщин; они располагались там как хозяйки, забирали себе все дамские украшения и заставляли приносить себе богатые одежды, награбленные солдатами, и слитки серебра за свои ласки, подчас очень грустные. В этих ласках был поразительный контраст с их вызывающей манерой держаться.

Во время своих прогулок я часто встречал стариков, плакавших при виде этих ужасных беспорядков. Я не мог их утешить, не зная достаточно русского языка, но я указывал им на небо, и они кидались целовать мои руки и вели меня в свои развалины, где их семьи страдали от голода и нужды...

В Москве существовали еще общественные бани. Я посетил одну из более известных. Вот как там поступают. Прежде всего я вошел в небольшую очень чистую комнату; мне предложили прилечь на один из диванов, которые стояли по трем стенам комнаты. Не успел я оглянуться, как приятный запах распространился по комнате, появился легкий пар и небольшая теплота. Очень чисто одетый слуга раздел меня, оставил только рубашку и панталоны, надел мне подбитые мехом туфли и повел в следующую комнату. Здесь было более натоплено и пар был гуще, но без запаха. По стенам этой комнаты стояли широкие и удобные скамейки, покрытые кожей; пол был паркетный. Тут я увидел двух совершенно голых слуг, на поясе которых спереди висел только четырехугольный кусок полотна. Эти люди были прекрасно сложены и носили бороды, достигающие до самого живота. Они сняли с меня остальную одежду, подняли меня на руки и очень ловко отнесли в ванну, приготовленную в соседней комнате. В этой комнате между окнами и дверью были две ванны, а напротив возвышалось нечто вроде амфитеатра, который предназначался, кажется, для музыкантов. Справа и слева было по отдушнику, где лежали душистые дрова, на которые они изредка плескали немного воды, чтобы извлечь из них очень приятный запах. Под окнами стояли

нары, на которых лежали тростниковые подстилки. Пол был мраморный и настолько подогретый, чтобы с удовольствием можно было поставить ноги.

Через полчаса один из слуг стал чесать мне голову, затем скрести на ней кожу пальцами, осторожно раздвигая волосы, затем он ее намылил душистым мылом и вымыл несколько раз. Он промассировал мое тело и дал отдохнуть четверть часа. Затем они опять подняли меня на руки и положили на тростниковую подстилку, вытерев меня фланелью; один взял шерстяную перчатку, жесткую, как фехтовальная рукавица, и стал тереть мне тело. Другой принес эссенции разных запахов и натер меня ими, после чего в третий раз растерли меня уже более мягкой перчаткой и, поставив на ноги, три раза облили меня водой. Обтерев меня простынями, взяли меня на руки и отнесли в прежнюю комнату, где надели то же белье, в котором я сюда вошел. Отсюда я прошел в большую комнату, где слуги одели меня.

Я нашел это способ очень полезным для здоровья и чувствовал, выходя оттуда, непомерную легкость. Я стал часто посещать этот дом. Владелец его был русский, но говорил по-французски и бывал в Париже. Дом его, хотя и много пострадал, но еще был цел. Я поставил сюда охрану для его семьи и его учреждения и больше его не видал...

Пока я занимался этими осмотрами, Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Говорят, что мотив, заставивший его снять этот крест был тот, что у русских существовала пословица; если говорили о какой-нибудь невозможной вещи, то говорили: «это так же верно, как-то, что крест с Ивана Великого отправится в Париж». Он захотел доказать обратное. У русских была еще пословица, вытекавшая из того мнения, что Кремль никогда не был и не может быть захвачен. Чтобы показать, что какое-нибудь место или дом вне всякой опасности, говорили: «Там находишься в такой же безопасности, как и в Кремле». Поэтому Наполеон велел вывезти все трофеи из Кремля. Ими нагрузили двадцать пять телег. Но по странности его характера вместо того, чтобы заплатить армии серебром жалованье, заплатили русскими кредитными билетами, которые ценились в четверть из стоимости, так как рубль менялся за двадцать копеек. Наполеон приказал заплатить двойное жалованье, и, таким образом, несчастный офицер должен был ограничиваться только половиной обычного содержания. Так, например, капитану 1-го ранга, получающему 200 франков в месяц, давали 400 рублей, которые, обмененные на серебро, стоили 100 франков. Он много говорил о том, что платит двойное жалованье армии, между тем как он уменьшил его наполовину. Трудно понять такое скряжничество в то время, как у него были телеги, полные золота. Надо вернуться к тому, что я говорил при начале похода. Он был обманут подлыми льстецами, которые его окружали и которые одобряли все его самые странные и экстравагантные идеи.

Маренгоне